

Знаменитая писательница Марина Покровская — в миру Мария Алексеевна Поливанова — стояла посреди комнаты, оглядывалась по сторонам, подслеповато щурилась и часто моргала.

— Что такое? — пробормотала она наконец. — Почему ничего не видно, ты не знаешь?

Вопрос был адресован небольшой белой собаке. Порода называлась «мини-бультерьер», очень напоминала свинью, и писательнице Поливановой нравилось это сходство.

Пес задрал остроухую башку и пристально посмотрел на хозяйку.

— Ах, да! — спохватилась Маня, то есть Мария Алексеевна Поливанова, нашарила в коротких волосах скособоченные очки и водрузила на нос.

— Теперь видно, — удовлетворённо сообщила она бультерьеру.

Комната показалось ей огромной, и было полутемно — жалюзи на окнах опущены, из тонких щелей длинными стрелами бьёт солнце, в лучах танцуют редкие пылинки. Стены до потолка увешаны картинами в золотых и серебряных рамах, вдоль стен витрины.

Маня подошла к стене, посмотрела и хмыкнула в изумлении.

Картины оказались... иконами.

Огромная комната была сплошь завешана иконами. Лики на всех иконах одинаковые — Серафим Саровский.

Маня нагнулась над витриной: внутри были разложены нательные и настольные иконы, кресты с эмалевыми вставками, панагии — всё во славу батюшки Серафима.

Маня двинулась вдоль витрин, пёс настороженно последовал за ней.

Вдруг в комнате зажёгся свет, и тяжёлый голос произнёс отчётливо:

— Добрый день.

Она оглянулась, почему-то перепугавшись.

— Я Максим Андреевич, — продолжал человек как будто с досадой и двинулся к ней. — А вы, оказывается, молодая, в телевизоре выглядите старше.

— В телевизоре все выглядят старше и толще, — пробормотала Маня. — За это я отдельно его люблю.

Он подошёл, протянул руку, она пожала.

— Здесь только часть коллекции. — Максим Андреевич обвёл глазами стены. — На самом деле я собрал гораздо больше списков.

— Зачем? — выпалила Маня. — Зачем вы их собрали столько?

И тут же выругала себя: человек совсем посторонний, а она так бестактна!

Но он засмеялся.

— Вы хотите и обо мне написать роман?

Маня пожала плечами.

...Почему-то все думают, что она, писательница Покровская, хочет написать о них роман! Водители, продавцы, пилоты самолётов, случайные попутчики в поездках, стоматолог, у которого Маня просидела в кресле полтора часа, до отказа разинув рот, а стоматолог всё это время ковырялся у неё в зубах и безостановочно говорил о своей судьбине.

Как правило, это звучало так: «Сейчас я расскажу вам свою историю, вам обязательно пригодится для романа!»

— Вообще-то, — сказала Маня, рассматривая хозяйина, — я собираюсь писать роман о пропавшей иконе. Ну, вот есть знаменитая история о том, как в тысяча девятьсот четвёртом году какие-то прохиндеи украли Казанскую Божью Матерь, и ведь до сих пор не нашли!

Максим Андреевич посмотрел на неё с интересом.

— Это правда знаменитая история! — протянул он. — Вот об этом бы и написали.

...Почему-то все думают, что лучше её, Мани, знают, о чём ей писать! Знает издатель Анна Иосифовна: «Манечка, голубчик, напиши о краже картины из музея, главное, побыстрее, к четвёртому уложишься?» Знает редактор Катька Митрофанова: «Мань, послушай, что я тебе скажу. Напиши о том, как обманывают дольщиков, нас с Володькой почти надули!!» Знает Александр Шан-Гирей, мужчина Маниной жизни и на самом деле великий прозаик: «Маня, брось ты свои детективы, напиши уже что-нибудь приличное, ты сможешь!»

И этот дядька тоже знает, оказывается!

— Я бы написала о Казанской, — сказала Маня наконец, — да боюсь, не потяну, там столько архивных материалов и всяких версий! Я для начала хочу о чём-то... менее известном. Вы ведь всё знаете об иконах Серафима Саровского, ну, по крайней мере, мне о вас именно так рассказывали! Была какая-то загадочная история с его прижизненным списком, да?

Вместо ответа Максим Андреевич спросил:

— Хотите посмотреть? Вот здесь иконы начала двадцатого века, а дальше по возрастающей, всё ближе к нашему времени. Я расскажу.

Маня ждала захватывающей истории о чудесах, но Максим Андреевич говорил как-то на редкость скучно и всё больше о том, в какой мастерской был написан тот или иной лик, где изготовлен оклад, а где краски.

Они продвигались вдоль стены очень медленно. У Мани устали ноги, и время от времени она украдкой зевала, не разжимая челюстей. Во время одного такого зевка у неё пискнуло в горле, и она с испугом посмотрела на рассказчика: вдруг заметит?..

Но он ничего не замечал, всё говорил и говорил.

Манин приятель Рома Сорокалетов уверял, что его партнёр по бизнесу, вот этот самый Максим Андреевич, знает о Серафиме Саровском и его изображениях всё, но Маня и предположить не могла, что это самое «всё» обернётся таким занудством!

Зря она попросила Рому их познакомить, ничего из этого дела не выйдет, придётся искать какие-то другие источники.

Хотя!..

Может, если его разговорить, он что-нибудь интересное расскажет?..

Манин бультерьер Волька, утомившись, брякнулся на бок с гулким звуком, как пустая бочка.

— Вам неинтересно?

— Ну что вы! — фальшиво вскричала Маня. — Страшно интересно! Мне просто немного трудно стоять, я на той неделе с велосипеда упала, нога болит...

— Тогда, может быть, присядем?

Маня с восторгом согласилась присесть.

Максим Андреевич повёл её по просторным залам, обставленным словно музейные — экспозиция «Жизнь и быт дворянской усадьбы на рубеже веков», — мимо лестниц красного дерева, картин и ваз с сухими цветами, и вдруг они оказались на улице!.. Солнце ударило в глаза, Маня прищурилась, а Волька принялся изо всех сил крутить обрубок хвоста — им сразу стало весело, будто их со скучного урока отпустили!..

Пологие ступени вели прямо в сад, видимо задуманный и воплощённый как регулярный парк, — дорожки, засыпанные розовым гравием, ровно, словно

по линейке подстриженные кусты, липы с идеально круглыми кронами, купы пионов и ещё каких-то роскошных цветов, названия которых Маня не знала.

...Неужели есть люди, которые так живут? Во всей этой красоте?

Маня покосилась на Максима Андреевича, шагавшего рядом. Каждый день он приезжает сюда с работы — это же его дом! Идёт по дорожкам, поднимается до лестниц морёного дуба, смотрит на воду — вдалеке между деревьями сверкала река, — привычно ничего этого не замечая!

— Как красиво, — сказала она с чувством. — Вот просто восторг!

Максим Андреевич улыбнулся.

— Садам жена занимается. Я в цветах ничего не понимаю.

Ромка Сорокалетов говорил, конечно, что его компаньон и сотоварищ — человек не бедный, но чтоб вот так!..

Маня вздохнула и подумала с некоторым сарказмом, что хорошо бы на даче водосточную трубу переложить, а то из неё льёт прямо под фундамент.

И никакого регулярного парка!..

Мужа, и того нету!

А как бы хорошо и красиво говорить: «Садам муж занимается, я в цветах ничего не понимаю! Я больше по водосточным трубам!»

Маня фыркнула, мысль про трубы её развеселила.

— Присаживайтесь.

Посреди лужайки в пятнистой весёлой тени стояли плетёные кресла, деревянный стол, качалка, садовый диван — всё добротное, ладное, ухоженное.

Маня плюхнулась на диван и глубоко вздохнула от счастья.

— Хотите чаю? Или, может быть, шампанского?

Маня с удовольствием выпила бы глоток ледяного

шампанского, но признаться в этом постеснялась и согласилась на чай.

Максим Андреевич ушёл в дом, а она порассматривала липы, понюхала кисть сирени, качавшуюся у неё за головой, закатила глаза и стала совать сирень Вольке, чтоб тот тоже понюхал. Волька сунул нос в кисть, нюхнул и, как показалось Мане, поморщился.

Вернулся Максим Андреевич с подносом.

— Я сегодня один, — объяснил он. — Женя, моя жена, ещё не вернулась, а домоправительницу я отпустил.

Мане понравилось, что он сказал «домоправительница», а не «прислуга» или «домработница»! Она как-то сразу к нему расположилась. Барин, а чай сам принёс, так трогательно!

Хозяин подал ей чашку, а перед Волькой поставил пиалу с водой — тут Маня окончательно его полюбила.

Не станет она искать никаких других источников, этот вполне подходящий, только рассказывать не умеет, но в принципе мало кто умеет рассказывать!

— Ну, а вы? — спросил Максим Андреевич, когда Маня сделала первый глоток превосходного чаю. — Как оказались в нашей глуши?

— Ничего себе глушь! — удивилась Маня. — Беловодск — большой город!

— И всё же совсем не Москва. — Максим улыбнулся. — И потом, Рома мне говорил, вы в деревне живёте.

— Да-а-а, в заповеднике. — Маня махнула рукой, словно показывая, что где-то там, в стороне, есть заповедник. — Я приехала роман писать. Не могу в Москве. Меня всё время куда-то тянет, надо не надо!.. То на съёмку, то на радио, то вдруг в Пушкинском Египетский зал открыли после реставрации! И я совершенно не могу сосредоточиться.

— Не представляю вашей работы. Я бы не смог. Часами сидеть и писать. Сдохнуть можно.

— Не, не, не, — энергично возразила Маня и ещё глотнула чаю, очень вкусного, — нельзя сдохнуть. Это страшно интересно — сидеть и писать. Понимаете, я в любую минуту могу оказаться где угодно! Вот мне захочется на яхту — бац, и я уже на яхте! И вода плещется, и палуба качается, и мачта скрипит, и солнце слепит. А потом вдруг мне захотелось на бал — раз, готово дело: люстра отражается в паркете, бриллианты сверкают, оркестр играет, а в соседней зале накрывается стол и снуют лакеи!

Максим засмеялся.

— Мне все говорят, — продолжала Маня, вдохновившись, — чтоб я бросила детективы и стала бы писать концептуальную прозу. Но там же ничего нельзя! Вообще ничего! Там есть законы, каноны, там должно быть всё только настоящее и подлинное! А мне хочется... придумывать! Это же самое интересное!

— Вот это я, наверное, понимаю, — сказал Максим с уважением, — мне нравятся люди, способные придумывать. А вы в заповеднике дом купили?

— Я живу в доме моей подруги Марины. У неё в Москве на Тверской огромный книжный магазин, знаменитый. И дача под Звенигородом, а сюда она почти не приезжает. Вот и пустила меня пожить.

— Я думал, знаменитости вроде вас живут в Питере на Дворцовой набережной, а отдыхать ездят в особняк в Сочи!..

— Тётя оставила мне квартиру в Питере, — призналась Маня, — только, конечно, не на Дворцовой, а на Мойке. А особняка у меня нету нигде, Максим Андреевич, ни в Сочи, ни в Москве.

— Почему вы хотите написать детектив об иконе? Странно, на самом деле!

— Но не писать же постоянно о том, как жена уколошила мужа, чтоб получить наследство, или племянник отравил дядю, чтобы въехать в его квартиру!

— А у вас есть детективы про жену и племянника?
— Нет, — честно сказала Маня, и Максим засмеялся.
— Пойдёмте к реке, — предложил он, когда Маня поставила чашку. — Там есть где посидеть, я помню про велосипед и вашу ногу.

Максим нравился писательнице Поливановой всё больше и больше!

— С той стороны у нас лес, — показывал он, пока они медленно шли по дорожке, выложенной розовым кирпичом, как в сказке. — Там есть калитка, можно выйти, и сразу начинается бор — сосны, черника. А за деревьями пристань, небольшая, правда, но пара катеров помещается. Я каждый вечер хожу к реке, и зимой и летом. Мне нравится.

— Да у вас тут вообще рай, — искренне сказала Маня. — Красота!

— Здесь был непролазный бурелом. Мы год только лес чистили, он был заброшен, гнил. Но ничего, расчистили.

— А почему вы не в Москве живёте? — Маня посмотрела на него. — Все деловые и оборотистые должны жить в Москве. Ну, как знаменитые в Сочи!..

— В Москве скучно очень, — ответил Максим, и это было неожиданно. — И бестолково. Вся жизнь — пробки и скачки из одного места в другое. Машину не поставить, толпы, люди.

— Ну, на Остоженке всё хорошо, — заметила Маня. — Никаких особенных толп, машины все по дворам, за шлагбаумами.

— Так на Остоженке живут как у нас в Беловодске. — Максим пожал плечами. — Далеко от дома не уезжают, всех соседей и рестораны знают, по чужим местам не ходят.

Маня засмеялась:

— Я никогда об этом так не думала. А вы, должно быть, правы, Максим Андреевич!

Деревья потихоньку расступались, река сверкала всё ближе. Боковым зрением Маня заметила, что слева, у кромки леса кусты качаются из стороны в сторону, словно через них пробирается медведь.

— У вас на усадьбе медведи водятся?..

— Что? Какие медведи, где?

Максим приставил ладонь козырьком к глазам: солнце слепило — посмотрел и широким шагом двинул к лесу.

— Кто там ходит? — зычным голосом спросил он. — Паша, это ты, что ли?..

Волька вдруг зарычал, кинулся было в высокую траву, вернулся и заметался.

— Что такое? — изумилась Маня. — Что за пляски?

Со стороны кустов раздались подряд два негромких сухих хлопка. Волька рванулся и нырнул в траву, Маня за ним. Какой-то человек убежал в лес, собака никак не могла его догнать, мешала высокая густая трава.

— Стой, стой! — кричала Маня то ли убежавшему, то ли своей собаке.

Наконец она выдохлась и остановилась. Из леса донёсся сдавленный вскрик и затрещали ветки.

— Волька, ко мне! Ко мне! Что за безобразие!

И тут Маня увидела Максима. Он почему-то ничком лежал в траве, раскинув руки.

— Максим Андреевич, зачем вы легли?! Вы что, упали?! Вам плохо?!

И как-то в одну секунду Маня вдруг поняла: *зачем*.

У неё потемнело в глазах, стало трудно дышать, и ноги сделались ватными. Она взялась рукой за какой-то куст.

«То берёза, то рябина, — пропел кто-то у неё в голове, — куст ракиты над рекой»¹.

— Максим, — жалобно позвала Маня. — Вставай.

---

¹ Строчка из песни А. Пришельца «Наш край».

Она наклонилась над ним — в спине, прямо посередине, были два аккуратных отверстия, вокруг них белая рубашка потихоньку становилась красной.

— На помощь, — очень тихо проговорила Маня. — Кто-нибудь, помогите!..

— Нет, я не понял, зачем вы его застрелили.

Маня, усталая и несчастная, наклонилась вперёд, задрала на лоб очки и потёрла глаза.

— Я никого не убивала, — в десятый раз повторила она с отчаянием. До этого она плакала, потом сердилась, а теперь пришла в отчаяние. — Вы что, не слышите меня?

— Нет, это вы меня не слышите, Мария Алексеевна, — с нажимом сказал молодой оперативник. — Мой вам совет — признайтесь сразу, вам же лучше! Сотрудничество со следствием всегда только на пользу! Мы ведь вас всё равно посадим, вы должны понимать.

— Господи, — пробормотала Маня. — Да что ж это такое?

«...То берёза, то рябина, куст ракиты над рекой...»

— Рассказывайте, рассказывайте, — дружелюбно предложил оперативник, и Маня поморщилась от явной фальши, которая слышалась в его голосе. — В каких отношениях вы состояли с потерпевшим? Вы ему кто? Близкая подруга? Или просто знакомая?

Они сидели в одной из комнат роскошного дома, который только что потерял хозяина, — Мане казалось, что сидели целую вечность, а разговор не двигался с места, крутился, как воронка, засасывая до головной боли.

— Я не подруга и не знакомая, — забубнила Маня в одиннадцатый раз. — Я дружу с Романом Сорокалетовым, а он дружит с... Максимом Андреевичем, они партнёры по работе. Я собиралась писать роман об иконе Серафима Саровского, и Ромка, то есть, Роман Сорокалетов, сказал, что Максим как раз увлекается такими иконами и всё о них знает. Ну, они договори-

лись, я приехала, Максим Андреевич показал мне свою коллекцию, а потом...

— На чём?

Маня не поняла:

— Что — на чём?

— На чём приехали?

— А, на такси, я говорила уже.

— Почему вы его отпустили?

— Кого?

Оперативник посмотрела на неё с отвращением:

— Таксиста, кого! Как вы собирались возвращаться, здесь не центр города!

— Понятия не имею, — честно призналась Маня. — Я об этом не думала.

— Всё наоборот, вы подумали! Вы застрелили хозяина и собирались скрыться через лес. Такси вам только помешало бы.

— А зачем я тогда вас вызвала? — устало спросила Маня.

Оперативник немного подумал:

— Нервишки, видать, сдали. Дамские у вас нервишки, вот и сдали. Ну? Будем признаваться или будем следствию голову морочить? Где орудие убийства?! — вдруг рявкнул он, поднялся и навис над Маней. Маня отшатнулась. — Куда вы его дели, ну?!

Волька у неё в ногах весь напрягся, зашёлся лаем и стал бросаться.

— Уберите собаку, а то пристрелю!

— Волька, нельзя! Ко мне!

Пёс оглянулся на хозяйку — глаза у него были налиты кровью, а хищная пасть скалилась, — всё же со владал с собой, отошёл и сел рядом. Короткая шерсть на загривке дыбилась.

— Мы ведь найдём ствол-то, — продолжал оперативник как ни в чем не бывало. — Вы его, небось, в кусты кинули? Или в реку?

— Я никого не убивала, и пистолета у меня нет и не было.

— Значит, будем продолжать голову морочить. Так и запишем. Откуда вы знали, что в доме никого не будет? Когда готовили преступление? Кто вам сказал?

Маня опять потёрла глаза.

— Я в этом доме в первый раз в жизни. С хозяйном познакомилась только сегодня. О том, что в доме никого, кроме нас, не будет, я не знала и знать не могла.

— Да ведь всё это легко проверяется, — сообщил оперативник.

— Ну, так проверяйте!

— Да это лишняя работа! Вот вы подумайте сами, выгодно вам лишние задачи нам задавать или выгодней содействовать.

— Да в чём содействовать-то?!

— Признались бы давно, и поехали в камеру.

— Я не хочу в камеру! — завопила Маня. — Я никого не убивала! Вдоль опушки кто-то шёл, я подумала — медведь! Максим посмотрел и пошёл туда, он ещё какое-то имя назвал! Спросил, это ты? Моя собака кого-то погнала, я побежала за собакой, а потом два раза хрустнуло. Или сначала хрустнуло, а потом собака бросилась в лес, я не помню точно! Я подошла, а он лежит ничком, и руки раскинуты!.. Я его позвала, но сразу поняла, что он мёртвый. И я позвонила вам! Вы приехали и накинулись на меня!

— Разве ж я накинулся, — добрым голосом сказал оперативник, — когда я накинусь, вам мало не покажется, дамочка!.. Пожалеете, что на свет родились. Мне ведь вас уговаривать некогда, мне раскрытие нужно, а тут и раскрывать нечего, всё ясно.

— Зачем мне его убивать?

— Да почём я знаю. Вот обыщут вас в отделении, может, найдут всяко, золотишко, камушки. Дом-то

богатый! Мало ли чего вам захотелось, чего у вас нет, а тут есть. Прихватили, хозяина убили, чтоб шум не поднял, но тут нервы сдали, вы и позвонили в полицию! Между прочим, звонок вам зачтётся. И добровольное признание тоже, вы головой-то подумайте, что вам выгодней!..

«...То берёза, то рябина, куст ракиты над рекой...»

Бедный Максим!.. Должно быть, утром, собираясь на работу, он и подумать не мог, что к вечеру его не будет в живых. Всё останется — и дом, и сад, и река, — а его не будет...

— А жена? — вдруг спросила Маня своего врага-оперативника. — Вы ей позвонили? Максим сказал, что она ещё не вернулась, и сам чай готовил.

— Мы без вас разберёмся, кому звонить, кому не звонить, вы не указывайте.

— Я не указываю, — пробормотала Маня и вдруг заплакала: так стало жалко Максима и его жену, незнакомую ей.

...Всё кончилось, всё потеряло смысл. Липы, цветы, картины. С этого прекрасного, солнечного, тёплого вечера вся жизнь семьи, дома, ближних и дальних пойдёт по-другому.

— Что же делать, — постояла Маня, раскачиваясь из стороны в сторону, — что делать...

— Признаваться, — сухо посоветовал оперативник, косясь на неё брезгливо. — Сейчас следователь приедет, а у нас уж всё готово. Труп есть, убийца, по ходу, есть, как в аптеке.

— Я никого не убивала.

— Снова здорово, — удивился оперативник, — вы ж почти признались! — И передразнил: — Что делать, что делать!..

Дверь распахнулась, в комнату хлынул свет, Маня зажмурилась.

— Ну, чего тут у вас?

— Всё тип-топ, — бодро и с облегчением сказал оперативник, — здоровья желаю, товарищ майор. Труп видели? Огнестрел! А дамочка упирается, говорит, не убивала, хотя, по ходу, она и убила.

Маня вытерла слезящиеся глаза и посмотрела. Напротив неё на стул основательно усаживался человек, совсем молодой и очень лохматый. Он был в джинсах, мятой футболке и никчemuшной куртёшке.

...Следователь? Товарищ майор?

— Раневский, — представился лохматый, — Дмитрий Львович. Следователь из следственного комитета. А вы?

— Там всё написано, — сунулся оперативник.

— Мария Поливанова, — выговорила Маня, — писательница из Москвы.

— Как — писательница? — удивился следователь.

— Да враньё сплошное, товарищ майор, — опять сунулся оперативник. — Хотя паспортные данные...

— Для себя пишете? — перебил Раневский. — В стол?

— Да не в стол, — Маня шумно выдохнула, — а в издательство! Ну вот же!..

В высоком и узком книжном шкафу плотно стояли книги — насколько Маня успела заметить, книги в этом доме были в каждой комнате, — и свои она отличала моментально, несмотря на плохое зрение.

Она поднялась, подошла к шкафу — оперативник и следователь наблюдали с интересом — и вытащила книгу.

— Вот! Я в прошлом году написала, — и сунула следователю.

Тот недоверчиво взял и повертел в руках.

— Марина Покровская, — пробормотал он, — фамилия знаменитая, и фотография вроде ваша...

— Ну, не ваша же! Марина Покровская — псевдоним!

— Выходит дело, с потерпевшим вы давно знакомы, — торжествующе начал оперативник, — раз у него ваши книжки имеются!

— Они продаются в магазинах.

— Да ну?! И кто ж их покупает?!

— Люди, — буркнула Маня. — Вы не поверите. Есть люди, которые любят читать.

— Дамочка, не морочьте нам голову!..

— Погоди, погоди, — перебил следователь Раневский. — Что вы делали в этом доме? С хозяином хорошо знакомы?

Маня завела свою историю в тринадцатый раз. Волька хмурился возле её ноги: ему здесь не нравилось и хотелось домой, в деревню, где они так славно жили с хозяйкой.

— Понятно, — непонятно сказал следователь Раневский, когда Маня добубнила, и повернулся к оперативнику. — Из домочадцев нашли кого-нибудь? Жена, дети где?

— Пока нет, товарищ майор.

— Этого Сорокалетова, который их свёл, разыскали?

— Никак нет, товарищ майор.

— Заросли осмотрели, куда собака пришьельца погнала?

— Товарищ майор...

— Так чего стоим-то? — неприятным голосом сказал Раневский. — Кого ждём? Вперёд! А мы с вами, Мария Алексеевна, пройдемся до места, и вы мне всё покажете, как было. Справитесь?

Маня кивнула.

Они вышли в сад, купавшийся в вечернем солнечном океане. На садовом столе среди лип и сиреней так и был накрыт чай.

— Вот здесь мы сидели и разговаривали. Мы сначала осматривали коллекцию старинных икон, я уста-

ла, у меня нога болит. С велосипеда упала, — зачем-то добавила Маня. — И вышли посидеть. Потом Максим сказал, пойдёмте к реке, там тоже есть где посидеть. И мы пошли.

— Вот по этой дорожке?

— Ну да. Максим рассказывал, что здесь был бурелом, спрашивал, почему я в Беловодске живу, а не в Сочи.

— И почему?

— Господи, да не хочу я в Сочи! А здесь в заповеднике у моей подруги прекрасный дом, она мне разрешила в нём пожить. Мне работать надо, а в Москве не получается.

— Да, — сказал следователь Раневский. — Работа у вас... своеобразная. Неужели правда кто-то до сих пор книжки читает?

Маня оскорбилась.

— Представьте себе! И многие! Лучше книг ничего не может быть на свете! Если у вас есть еда и книги — значит, жизнь есть!..

Они прошли ещё немного.

— Вот здесь мне показалось, что в кустах кто-то сидит, и я спросила, не водятся ли здесь медведи. Максим пошёл посмотреть и даже крикнул что-то, какое-то имя, я забыла. Вроде: «Саша, это ты?»

— Именно Саша?

— Я не помню точно!

— Придётся вспомнить.

— Ну вот, он пошёл, а Волька стал рычать и кидаться, а потом побежал, и я за ним.

— Здесь?

Маня кивнула, и Раневский полез в траву.

— Вот там он лежал, где примято, видите? А в ту сторону кто-то убежал, Волька его напугал. По-моему, даже укусил, я слышала вскрик. А может, и не укусил, а просто прогнал.

Следователь обошёл место, где Маня нашла Максима, и углубился в лес. За деревьями его почти не было видно.

Маня задрала голову. Деревья качались в вышине, и небо было голубое и золотое, вечернее.

Очень хотелось домой, лечь и поплакать как следует.

— Вы меня видите, Мария Алексеевна? — позвал издали Раневский.

— Нет, — встрепенулась Маня. — Но я в принципе плохо вижу!

Затрещали ветки, закачались кусты, и следователь показался из леса.

— Ну, я нашёл место, откуда стреляли, — заговорил он на ходу. — Там дерево такое... с развилкой, можно локти удобно поставить, чтоб прицелиться как следует. И трава везде притоптана сильно. Так что поджидали вас, Мария Алексеевна.

Маня посмотрела на него.

— Пистолет нужно ещё поискать, вряд ли стрелок его с собой забрал. Вы не знаете, враги у потерпевшего были?

— Я его сегодня увидела первый раз в жизни.

— А с женой у него какие отношения?

— Послушайте, — с сердцем сказала Маня, — я вас не обманываю! Спросите Рому Сорокалетова, он вам скажет! Максим Андреевич — его приятель и партнёр по бизнесу! Когда я Роме сказала, что хочу написать про похищение иконы, он мне сразу предложил съездить к этому Максиму как к величайшему знатоку!.. Так и было! Ну, правда!

— Я верю, верю.

— А этот ваш... подельник не верил, — наябедничала Маня. — Ну тот, второй. Он всё меня заставлял чистосердечно признаться!

— Ну, признались бы, нам работы меньше, — отмахнулся Раневский.

— Да ведь я никого!..

— Я понял, понял! Значит, из города не уезжайте, когда понадобится, вызовем, просьба явиться. Где этот ваш дом?

— На территории заповедника, деревня Щеглово, дом тридцать девять.

— Это за первым постом или за вторым?

— За вторым.

— А кто вам пропуска выписывает?

— Хозяйка, моя подруга Марина. Это же её дом!..

— К вам туда и не проедешь, — проговорил следователь задумчиво. — Всякий раз нужно пропуск выписывать.

— У меня постоянный.

И вдруг он попросил, нет, даже велел:

— Покажите.

— Сумка на диване осталась, где мы чай пили, — припомнила Маня. — Пойдёмте!

Напрямик через ухоженный газон они подошли дивану, и Маня достала пропуск. Следователь повертел его в руках и вернул.

И спросил неожиданно:

— Автограф дадите?

— У меня с собой книжки нет, — растерялась Маня.

— Ничего, в другой раз. Мы же с вами не навсегда расстаёмся!

Всё это было... странно, двусмысленно, и она так и не поняла до конца, верит он ей или нет.

— А как вы собирались обратно добираться?

— Я об этом не подумала, вот, совсем!.. Вызову такси, когда-нибудь же оно приедет!

— Такси на территорию заповедника не пускают.

— Господи, я езжу до первого поста, а там меня местные подвозят! Есть такой дядя Николай! Он всех безлошадных от поста забирает и везёт куда кому надо.

— Странно, что вы из Москвы уехали в нашу глухомань, — сказал следователь задумчиво. — Вы же... знаменитость вроде! И в деревне поселились.

— Я не навсегда, как вы выражаетесь.

— Да и на время — странно. Скучно, небось, одной-то.

— Ко мне подруга должна приехать. У неё в школе каникулы начнутся, и она приедет.

— Подруга, — повторил следователь. — Значит, до кордона я вас на служебной отправлю, а там вы этого своего дядю вызовете.

— Да не нужно, спасибо.

— Нужно, нужно, — заключил Раневский, и Мане показалось, он хочет убедиться, что она не врёт насчёт заповедника.

К дому номер тридцать девять в деревне Щеглово Маня добралась, когда уже совсем вечерело. В летнем платье было холодно — никакой куртки она не захватила, потому что была уверена: отправляется из дома ненадолго.

...Никто, уходя из дома, по-настоящему не знает, когда вернётся и вернётся ли!

Почему люди об этом не думают?..

Волька, обнаружив родной забор, до того обрадовался, что стал подскакивать, как бочка, на всех четырёх лапах. Он поскакал, потом принялся нюхать траву и орошать кустики, а потом опять скакать.

— Пойдём ужинать, — позвала Маня. — Для тебя у меня ужин есть, а для себя нету!..

Она отперла замок — ключ был снаружи вставлен в замочную скважину, здесь все так оставляли ключи, мало ли, кому-нибудь из соседей понадобится спички взять или чаю отсыпать, — и зашла в дом.

Всего в Манином распоряжении было три комнаты — одна большая, с русской печкой прямо посере-

дине, и две поменьше, окнами в сад. В одной из них Маня спала. К дому были подведены электричество, вода и газ, что очень облегчало жизнь, хотя свет часто выключали и приходилось коротать вечера при свечах, но Мане всё нравилось.

Она кинула сумку на великолепный кожаный диван, стоявший по левую руку, — этот диван подруга Марина, хозяйка дома, привезла когда-то из своего рабочего кабинета. На нём после многочасовой встречи с читателями однажды заснул кто-то из великих, то ли Орхан Памук, то ли Харуки Мураками, и Марина диван сберегла. Маня время от времени прикладывалась на нём полежать — чтоб набраться умных мыслей и писательского мастерства. Помогало не слишком, но Маня в диван верила.

— Волька, ужин! Неси посуду!

Пес загремел миской: у них с Маней была такая игра, как только она говорила «ужин» или «завтрак», он сразу тащил миску. Маня щедро положила собачьего паштета, сунула Вольке и вдруг поняла, что она не одна.

Кажется, Волька понял тоже, потому что напрягся и зарычал.

— Кто здесь? — спросила Маня испуганно. — Есть кто?

Тотчас ей почудились качающиеся кусты, убегавшая в лес фигура, два сухих выстрела и человек, раскинувший руки, с аккуратными дырками в спине.

Маня схватила со стола каменную штуку, держатель для бумажных полотенец. Штука была тяжёлая и холодная.

И повернулась.

За печкой явно кто-то прятался.

— Выходите! — приказала Маня. — Немедленно выходите!

Бультерьер зашёлся лаем, кинулся вперёд, и Маня бросилась за ним.

Анна Иосифовна, глава огромного издательского дома, член всевозможных книжных союзов, большой знаток и любитель литературы, умела ценить всё самое лучшее и подлинное.

В издательство покупалась удобная и дорогая мебель, на Новый год привозили живые ёлки, на Пасху заказывали настоящие куличи, а издавались исключительно талантливые, востребованные и модные авторы.

Самой яркой звездой среди них был Александр Шан-Гирей, писавший под псевдонимом Алекс Лорер. Он писал мало и нерегулярно, зато каждая его книга становилась событием не только в литературном, но и во всём культурном мире. Его обсуждали, хвалили, ругали, звали в умные телевизионные программы и к модным интервьюерам в «Ютуб». Он старательно от всех прятался, но всё же время от времени его... наступала слава, он был вынужден «рассказывать о себе», чего терпеть не мог, но Анна Иосифовна оставалась довольна: как-то сама собой соблюдалась необходимая степень открытости и тайны, самое лучшее сочетание из возможных.

На этот раз издательница пригласила своего самого драгоценного автора не для того, чтобы попенять ему на то, что он мало пишет. В данный момент её больше заботила ещё одна литературная звезда — автор детективных романов Марина Покровская, то есть Маня Поливанова.

В последнее время Анна Иосифовна, которой до всего было дело, стала замечать, что Маня ведёт себя странно: почти не бывает в Москве, перестала приезжать в издательство, где раньше страшно любила просиживать долгие часы за кофе и компьютером, мало общается со своей подругой Катей Митрофановой, по совместительству редактором.

Анна Иосифовна попыталась вызвать Маню на разговор, но та, наученная опытом жизни с Алексом Шан-Гиреем, ловко уклонялась от встречи.

Издательница спокойно выжидала, но после сегодняшнего более чем странного и тревожного телефонного звонка поняла, что медлить больше нельзя.

И решила действовать немедленно.

— Алекс, душа моя!

Анна Иосифовна грациозно выбралась из-за стола и пошла навстречу Алексу, распахнув руки. Тот хотел было броситься наутёк, но всё же дал себя обнять.

В этом кабинете, полном антикварной мебели, дорогих безделушек и драгоценных книг, он всегда чувствовал себя неловко.

— Алекс, что такое? — Анна Иосифовна покачала головой и даже погрозила пальцем, на котором сиял гигантский изумруд, а может, сапфир. — Совсем забыли меня, старуху! Не звоните, не приезжаете!

Нужно было ответить, что никакая она не старуха, а молодая и прекрасная женщина, но Алекс этого не понял. Он вообще почти никогда не слушал, что ему говорят.

— Я занят, Анна Иосифовна, — сказал он. — Я пытаюсь писать, но у меня не получается.

Издательница посмотрела на него и вздохнула.

Как с ним можно... жить? Любить, ухаживать, терпеть? Бедная, бедная Маня!.. Впрочем, он гений, а гению можно простить всё. По крайней мере, так считается.

— Хотите кофе? С булочкой? Который час?

— Около шести.

— Как раз сейчас в буфете должны быть готовы булочки! — Анна Иосифовна вернулась за стол и нажала кнопку на переговорном устройстве: — Настенька, нам, пожалуйста, свежих булочек и кофе. Александру Павловичу, как обычно, с молоком, а мне эспрессо.

— Сейчас всё будет, Анна Иосифовна.

— Как вы пожиаете, Алекс? — продолжала издательница, благожелательно рассматривая великого писателя. — Как Манечка? Я так давно её не видела!

— Я тоже.

— Что это значит? — не теряя благожелательности, весело удивилась Анна Иосифовна. — Разве вы не вместе?

— Почти нет, — сказал Алекс равнодушно. Он правда не понимал, к чему эти расспросы. — Я в Москве, а она с прошлой зимы то и дело в Питере, или вот сейчас в этом... как это называется... ну, в городе... Прошу прощения, я забыл.

— В Беловодске, — сухо подсказала Анна Иосифовна, переменяя тон.

— Да-да.

Они помолчали.

Издательница прикидывала, как продолжить разговор, чтобы он имел смысл. Писатель думал о своём.

— Вы расстались? — не придумав ничего лучшего, спросила Анна Иосифовна.

— Кажется, нет.

— Алекс!

Он поднял на неё глаза.

...Господи, какие глаза!.. А ресницы! А кудри! Такие ресницы и кудри должны были барышне достаться, а достались... литературному гению!

— Алекс, что происходит?

Он пожал плечами.

— Простите, Анна Иосифовна, я не понимаю, какое это к вам имеет отношение.

— Ах, боже мой, разумеется, никакого, и я не собираюсь лезть к вам в душу, просто мне важно, чтоб у моих авторов всё было хорошо. У вас всё хорошо?

— По-разному.

— Алекс, поговорите со мной.

Он удивился: они же разговаривают!

— В прошлом году Манечка потеряла родственницу, тётю, — продолжала Анна Иосифовна. — И после этого всё изменилось. Она стала другой. Книга, кото-

рую она написала после трагедии... отличается от всех её прежних работ. Я не говорю, что она хуже, но — другая. Вы читали, Алекс?

— Нет.

— Как?!

Алекс повернулся и стал смотреть в окно. За окном плыли вечерние облака и качались ветки деревьев, одетые молодой жизнерадостной листвой.

Секретарша Настя внесла поднос, и сразу в кабинете запахло кофе и свежей сдобой, очень вкусно.

— Угощайтесь, Алекс. — Анна Иосифовна пододвинула ему чашку, сплела пальцы, посидела, задумавшись.

Алекс тоскливо думал, что сейчас придётся возвращаться домой, где никого нет, есть только стопка испанной бумаги и компьютер, который станет смотреть на него квадратным тёмным глазом, требуя, чтоб Алекс включил его и начал работать, а он не хочет и не может.

...Всё бессмысленно. Никому не нужно. Особенно писательская работа.

Мане повезло. Она живёт, ни о чем не думая! И пишет тоже как придётся, не скорбя и не терзаясь. Ей всё легко, а так бывает только от... благоглупости и скудоумия.

Он отлично знал, что она неглупа и отважна, но сейчас ему хотелось думать по-другому. Так проще.

— Алекс, мне кажется, вы слишком погружены в себя.

— Как любой пишущий человек, — тут же ответил он. — Вы видели писателей, погружённых в кого-то другого, кроме себя?

— Душа моя, я не хочу вас обидеть! Но послушайте меня, может быть, вам стоит... развеяться? Поезжайте к Манечке, побудьте с ней, помогите ей! Я попрошу водителя, вас отвезут, не придётся ехать на поезде.

— Анна Иосифовна, я сейчас не в состоянии ни-

кому помогать. Да и Маня, как мне кажется, ни в чьей помощи не нуждается.

— Вы ошибаетесь. Маня — очень ранимый и тонкий человек.

— Маня жизнерадостна и полна сил, как молодая лошадь.

Они посмотрели друг на друга.

— Нет, — пробормотал Алекс наконец, — я совсем не то имел в виду...

— Да, — согласилась Анна. — Я поняла. Ну что ж... тогда мне придётся рассказать вам всё без утайки.

— Что такое?

— Примерно час назад нам звонили из следственного комитета Беловодска, прислали запрос. Требовалось подтвердить личность Марии Алексеевны Поливановой и то, что она и писательница Марина Покровская — одно лицо.

— Зачем? — не понял Алекс.

— Она стала свидетельницей убийства. И, насколько я поняла, подозреваемой.

— Час от часу не легче, — пробормотал Алекс.

— Вот именно. Поэтому я прошу... нет, настоятельно рекомендую вам отправиться в Беловодск и на месте удостовериться, что с Манечкой всё в порядке. Или я вынуждена буду поехать сама.

Алекс опять уставился в окно.

«Да соображай же быстрее! — с раздражением подумала Анна. — Что ты за пень такой, никак не раскachaешься!»

— Анна Иосифовна, в Беловодск я не поеду, — выговорил наконец великий писатель. — Во-первых, Маня меня с собой не приглашала. Во-вторых, она живёт в доме Марины, директора книжного магазина на Тверской...

— Я знаю.

— ...А Марина меня терпеть не может. Я не могу ни с того ни с сего нагрянуть в её дом.

— Алекс, душа моя, дело-то не в доме, а в том, что Маня попала в передрагу.

Алекс вспыхнул:

— Она то и дело попадает в передраги, ваша Маня! — Он фыркнул и поднялся. — Кажется, вам это нравится, потому что потом она описывает их в детективах, и вы получаете очередной бестселлер!.. Я не могу срываться с места и кидаться невесть куда только потому, что вам что-то такое показалось, Анна Иосифовна! И потом!.. Я никогда не жил в деревне и не стану! Мне и так плохо, вы хотите, чтоб я там окончательно сошёл с ума?

— Боже сохрани, — пробормотала Анна. Такого поворота она не ожидала.

— Поверьте мне, у Мани всё прекрасно, — продолжал Алекс. — Иначе она звонила бы каждую минуту и скулила, что ей нужны помощь и моё присутствие! Раз не звонит, значит ни то ни другое ей не требуется.

— Вы уверены, что мы говорим об одной и той же Мане Поливановой?

Он осёкся и посмотрел на издательницу.

— Я всё поняла, Алекс. — Анна Иосифовна улыбнулась. — Придётся действовать по-другому, хотя, честно признаться, вы меня удивили.

— Хорошо, что я хоть на это способен, — проскрежетал Алекс. — Кого-то удивлять!..

Он вышел из кабинета, Анна проводила его глазами.

...Нужно что-то делать, только вот непонятно, что именно. Она подумала немного. Ехать — она только перепугает и стеснит девочку, Анна Иосифовна отлично знала, какой репутацией пользуется у авторов и сотрудников издательства. Оставить всё как есть — невымыслимо.

...Как странно ведёт себя Алекс Шан-Гирей! Не может быть, чтобы она, Анна Иосифовна, так в нём ошибалась!

Или может?

Она немного походила по кабинету, мягко ступая лакированными туфельками по богатому ковру, сплетая и расплетая пальцы.

Потом открыла дверь в приёмную. Там было полно народу — весёлые и озабоченные молодые люди с ноутбуками, папками и ежедневниками в руках. Анне Иосифовне нравилось, когда сотрудники именно в таком настроении: весёлые и озабоченные.

— Я всех, всех приму, — уверила она разом смолкших коллег. — Настенька, зайдите ко мне.

Секретарша торопливо вбежала в кабинет, плотно прикрыла за собой дверь и приготовилась выполнять поручения.

— Вот что, найдите Наталью Леонидовну, которая сенатор в Совете Федерации, и свяжите её со мной. Скажите, что мне нужен контакт в Беловодске, как можно более ответственный, например губернатор или на худой конец начальник полиции. Попросите бухгалтерию перевести Марии Поливановой небольшой внеплановый аванс за моей подписью, конечно. И на всякий случай узнайте, какие гостиницы есть в Беловодске, мне нужна самая лучшая. Сделаете?..

— Нет, ты ненормальная! — Маня всплеснула руками. — А если б я тебя стукнула этой штукой по лбу?!

«Эта штука» так и валялась на полу, куда Маня её бросила, обнаружив за печкой не злоумышленника, а подругу Лёлю.

— Манечка, я же не знала, что ты на меня кинешься!..

— А что мне было делать? Собака рычит, мне страшно! Я должна защищаться!

— Манечка, я задремала и не слышала, как ты вошла. Я ехала долго.

- Почему ты мне не позвонила, дура?!
- Я хотела сюрпризом, — смешалась Лёля. — Ты меня извини.
- Сегодня человека убили, — продолжила неистовствовать Маня. — Прямо у меня на глазах!
- Как?!
- Я вся на нервах, а тут ещё ты за печкой!
- Маня, что случилось?!
- Со мной ничего, — отрезала Маня Поливанова. — Меня хотели посадить в тюрьму, но не посадили. Велели не уезжать из города и ждать вызова в следственный комитет.
- Маня!
- Да, да! Так всё и было!
- Она с размаху бухнулась в кресло и заплакала.
- Лёля подошла и растерянно присела рядом.
- Маня плакала, кулаками размазывала по щекам слезы.
- Я хотела Алексу позвонить. Ну ведь я тоже человек! Мне нужно кому-нибудь позвонить, когда я в беде! И... и не стала...
- Позвонила бы мне!
- Да что от тебя толку!
- Можно подумать, от твоего Алекса толку больше.
- Главное, я им говорю, что вижу человека, ну Максима, которого застрелили, первый раз в жизни, а мне никто не верит! Даже следователь, по-моему, не поверил и отпустил только потому, что на книге увидел мой портрет.
- Маня, я ничего не понимаю. Давай я тебя покормлю, и ты всё расскажешь по порядку.
- Есть нечего.
- Да я всё привезла! — Лёля вскочила. — Еле донесла! Я даже печёнку купила, чтоб оладьи сделать, ты же обожаешь оладьи из печёнки.
- Обожаю, — подтвердила Маня, шмыгая носом.

— Ну вот, сейчас всё будет! И Вольке мячик такой зелёный, с пищалкой! Где у тебя свет зажигается?

Маня кивком показала, где выключатель. Он был старинный, круглый, его следовало не нажимать, а поворачивать, к нему шёл толстый витой шнур наружной проводки, как положено в деревенских домах.

Мане всё это было по душе и очень нравилось.

Лёля моментально распаковала объёмистую сумку и стала вынимать и выкладывать свёртки.

— У тебя есть мясорубка?

Маня вытащила советскую металлическую мясорубку и присобачила её к краю стола.

— Гляди, какая вещь! Как полагается! А дядя Николай мне винт наточил, так она теперь режет, как песню поёт, без всяких усилий!

— Мясорубка поёт? — усомнилась Лёля.

— Постой, как ты сюда попала? — вдруг сообразила Маня. — За шлагбаумы не пускают!

— Так у меня же пропуск! Помнишь, ты Марину просила? Она мне сделала. Я у неё позавчера забрала!

— А замок? — не отставала авторша детективных романов. — Он же заперт был!

— Но ключ-то торчал!

— Когда я приехала, дверь была заперта! А ты же вошла!

Лёля перестала вертеть ручку чудо-мясорубки и посмотрела на Маню.

— Я вошла, ключ оставила снаружи, а изнутри дверь закрыла на крутилку.

— Зачем? — удивилась Маня.

— Вообще-то двери принято запирать.

— Ну, у нас не принято.

Когда они сели за стол под висячим абажуром и Лёля выставила целую горку оладий в обливной керамической миске, Маня поняла, что на сегодня все волнения и горести закончились.

Можно, обжигая пальцы, хватать олады, хрустеть свежим огурцом — ни о чем не думать.

— Почему тебя так рано отпустили с работы? Или русский и литературу в школах теперь совсем отменили?

— Не рано, нормально. Конец мая. А на ЕГЭ я в этом году не присутствую, директриса меня пожалела.

— А Марфа?

Марфой звали Лёлину дочку, и она была... нездоровая. Маня никогда не могла запомнить, как называется сложная болезнь нервной системы, какой-то синдром. В прошлом году Марфа была совсем плоховата, и Манина тётя Эмилия, знаменитый на весь Питер экстрасенс, её лечила.

Потом тётя погибла, и Марфа осталась без помощи. Но Мане казалось, что дело идёт, девочка стала общаться, полюбила Маню и Манину собаку и как-то... доверилась¹.

Лёля никогда не отпускала дочь от себя.

— Марфа в Пушкиногорье, — радостно сообщила Лёля. — Мы нашли такого отличного педагога, представляешь? Она собирает таких сложных детей и волонтеров из родителей и везёт всех в Шаробыки, это село такое! И Марфа поехала.

— Одна?! — поразились Маня.

— Нет, я отвезла, конечно. И оставила, мне кажется, ей там понравилось.

— То есть у тебя полноценный отпуск?

— В первый раз за всю жизнь, — призналась Лёля. — Я дома, когда одна осталась, вообще не знала, куда деваться! И что нужно делать, когда делать ничего не нужно!

Маня засмеялась:

— Я доем последнюю? Ты не будешь?

---

¹ Устинова Т. «Судьба по книге перемен».

— Доедай, конечно! А потом вспомнила, что ты меня звала, и приехала. Ничего? Или ты меня просто так звала?

— Ничего не просто так! — Сытая Маня откинулась на спинку стула и вздохнула. — Я очень рада! Особенно, что не шарахнула тебя по голове.

— Расскажешь? — осторожно спросила Лёля.

— Пойдём на улицу.

Уже совсем вечерело, было прохладно, и на поручнях террасы лежала роса. Волька скатился с крыльца, помчался по дорожке и пропал в сумерках.

— Скоро можно будет купаться, — сказала Маня, помолчав. — Тут чудная речка, называется Белая. Она и правда по утрам белая, когда над ней туман. И мне нравится, что дважды в день на моторке проходит егерь и следит за порядком. Заповедник!..

— Принести тебе чего-нибудь накинуть?

Маня кивнула.

Лёля вернулась с курткой и телогрейкой для Мани. От телогрейки прекрасно пахло сеном и немного дымом — Маня в ней разводила огонь в уличной печке.

— А у этого дядьки, которого застрелили, не сад, а парк, самый настоящий. И пристань с катерами. Я всё представляю себе, как его жена приезжает домой, а там...

— Манечка, не плачь.

— Я стараюсь.

Маня принялась рассказывать, должно быть, в пятнадцатый раз за невозможно длинный сегодняшний день, как приехала, как её поразило обилие списков Серафима Саровского, как в саду они разговаривали с хозяином, и Максим говорил, что не хочет жить в Москве. Как она заметила движение в кустах, а потом услышала сухие щелчки и ничего не поняла поначалу.

Лёля слушала внимательно и сочувственно.

— Понимаешь, он сказал, что каждый день, зимой и летом, ходит именно по этой дорожке к пристани, это

его обычный маршрут. То есть подкараулить его там ничего не стоило! А с другой стороны, кто мог знать, что именно в этот день в доме никого не будет? Что садовник не ковыряется в саду, водитель не надраивает капот, а жена не занимается йогой на лужайке?

— Она занимается йогой?

— Откуда я знаю!

Они помолчали.

— И ещё он позвал кого-то по имени, но я не могу вспомнить! Ну, никак! Может, узнал? Волька бросился, и тот человек убежал. Он забежал за дерево, прицелился и выстрелил? Два раза! Раневский сказал, что нашёл место, откуда стреляли.

— Кто такой Раневский?

— Следователь. Он меня как раз отпустил, не посадил в тюрьму. Хотя мог.

— Брось ты, Маня.

— Нет, я не понимаю. Не могу себе представить.

Маня стала ходить по террасе туда-сюда.

— Вот мы идём. Убийца ждёт в засаде. Так? Понимает, что Максим не один, с ним кто-то ещё. Убийце нужно Максима подманить поближе, или он может промахнуться и попасть в меня. Да?

— Маня, я не знаю.

— Он начинает шуметь, чтоб привлечь внимание, собака брешет, Максим идёт, чтоб посмотреть, кто там, убийца забегает за дерево, целится и дважды стреляет. Похоже?

Лёля беспомощно посмотрела на неё.

— Нет, — Маня покачала головой, — не похоже. Очень много лишних движений! Сначала некто караулит в кустах, потом выходит, потом отбегает обратно в лес и уже оттуда стреляет, а тут ещё моя собака!.. Мне показалось, что человек в лесу вскрикнул, то ли от испуга, то ли Волька его всё-таки цапнул. Что-то тут не так.

— Манечка, всё не так! Это же... убийство.

— Вот именно. Пойдём спать, Лёлик, мне завтра с утра за работу. Ты меня прости, но тебе придётся как-то самой развлекаться. Я писать должна.

— Ой, я с удовольствием, — отозвалась Лёля, — по-развлекаюсь на лежанке с книжечкой! Или в саду посижу. Сидеть одной в саду — это же счастье, Маня. Тебе не понять.

— Это то-очно, — протянула Маня. — Где уж мне.

Маню разбудил телефонный звонок, прервав наконец-то тёмный ужас, который снился ей всю ночь.

Она махом села в постели и ошалело посмотрела вокруг.

Ничего не происходит. Стены не рушатся, из подпола не лезут чудовища, в окна не ломится нечисть. Звонит телефон.

— Господи Иисусе, — пробормотала писательница Поливанова, нашарила трубку и нажала кнопку. — Алё!

Звонил тот самый Роман Сорокалетов, давний приятель, который познакомил Маню с Максимом Андреевичем. Он что-то быстро и напористо говорил, Маня почти ничего не разобрала, пытаюсь прогнать из сознания чудовищ.

— ...Сможешь? Маня, ты слушаешь меня?

— Нет.

— Ты сможешь приехать?

— Ромка, который час?

— Десять утра.

Маня застонала. В её системе координат десять утра — ещё даже не рассвет!..

Но собеседник не отставал. Очень убедительно он повторил, что Мане просто необходимо приехать к нему на работу прямо сейчас.

— Даже не я тебя прошу, — настаивал Роман, — то есть и я тоже, но Жене очень нужно с тобой поговорить.

— Кто такой Женя?

— Женя — супруга Максима. Она хочет, чтоб ты рассказала... как всё случилось. Маня, ты же понимаешь, в каком она состоянии! Приезжай.

Маня медленно начинала соображать.

— Ром, я в деревне, за кордонами, машины у меня нет. И потом!.. Я не хочу. Мне и так всю ночь кошмары снились.

Он помолчал в трубке.

— Маня, ей правда очень нужно.

— Я понимаю.

Она откинула одеяло, Волька у неё в ногах поднял заспанную, недовольную морду. Маня слезла с кровати и подошла к окну.

Солнце сияло, птички чирикали, белочки скакали.

Впрочем, никаких белочек — это она придумала.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Только я должна очухаться. Я так рано не встаю.

— Когда тебя забрать? — тут же спросил Роман. — Я встречу у первого шлагбаума.

— Ну, давай в двенадцать, что ли!..

Маня нажала отбой, кинула телефон в развал подушек и распахнула оконные створки. И высунулась наружу.

...Как хорошо жить на свете. Как хорошо, что всё это есть — трава, клён, соседская курица, забредшая на её дорожку. Курица прицеливалась то одним, то другим глазом, а потом — раз, и с торжествующим видом склевала букашку.

Как славно дожить до утра и понять, что ужас ночи — только сон. Он прошёл и следа не оставил.

Как жаль, что Алекс ничего этого не хочет понимать и тянет ужас ночи сюда, в реальность, в утро. И не объяснить ему, и не помочь, и не спасти.

Маня была уверена, что должна спасти Алекса, и мучилась от того, что спасает плохо, ленится, уви-

ливаает. Прячется за работу, живёт в заповеднике, и ей прекрасно, а он там пропадает с тоски.

— Манечка, чаю или какао? Я только что сварила!..

Маня прошлёпала босыми ногами по дощатому полу и открыла дверь. Лёля, умытая и свежая, оглянулась от плиты.

— Ты давно проснулась?

Лёля налила в кружку какао и понюхала с наслаждением.

— В восемь.

— Что это тебя в такую рань подбросило?!

— Маня, я привыкла вставать в шесть тридцать. Сегодня прямо заспалась, тут у тебя такая тишина и покой!..

— Да уж, — пробормотала Маня, подумав о своих кошмарах, — покой... В город поедем?

— Зачем?!

— Повстречаться с женой Максима. То есть вдовой. Она хочет, чтоб я ей всё рассказала. Как было.

— Маня, можно я не поеду?

Писательница вздохнула:

— Ну, конечно, Лёлик. Сейчас я штаны натяну и сгоняю на велике в Дорино, там люди держат ферму и продают яйцо и дивных кур! Станем яичницу жарить. Мы с Романом на двенадцать договорились, успеем.

Разумеется, Маня сильно опоздала, и когда дядя Николай на старенькой «Ниве» лихо подрулил к шлагбауму, Манин приятель уже расхаживал по небольшой стоянке туда-сюда и мусолил модный нынче электрический курительный прибор. Эти приборы Маню отчего-то смешили.

— Ром, привет, извини меня, — на ходу заговорила Маня, подбегая тяжеловесной рысью. — Но я правда не привыкла так рано...

— Здравствуй, Манечка, — перебил Роман. — Садись.

— Нам долго ехать?

— В самый центр.

До города было километров сорок по хорошей дороге.

— Видела бы ты, что у нас на работе творится, — говорил Роман, вырубивая. — Полный развал колхоза. Никто себя в руки взять не может. И полиция в офисе торчит, документы изымает.

— Ещё бы. — Маня посмотрела в окно. — Гром среди ясного неба.

— Ну да. Макс, конечно, был... жесткач, но как без него работать, никто не понимает.

— А ты?

— И я пока не понимаю. Я закупками занимался, оборудованием, а заказы, связи — всё на нем.

— Ром, у вас есть враги?

— Какие, блин, враги?! — вдруг взвился Роман. — Ты как следователь этот! Придумали врагов каких-то! Как в кино! Ну, есть у нас конкуренты, есть фирмачи, мы заказы у них время от времени перехватываем, но из кустов стрелять — вообще другие дела!

Маня покивала с сочувствием. Должно быть, нелегко ему приходится, и дальше будет только хуже.

— Я не знаю, кто Макса уколошил! Ну, не знаю я!.. И гадать не хочу!

Маня помолчала, а потом всё же спросила:

— А жена? Тоже не знает?

— Да она вообще не при делах!.. Она в нашей конторе не работала никогда!

— А вообще работала?

— Вроде да, я особо не вникал.

— Они давно женаты?

Роман взглянул на писательницу.

— Да всю жизнь, как мы с Юлькой. А что такое?

Маня пожала плечами.

Предстоящий разговор с... вдовой её пугал. Она не знала, как следует держаться, и только и делала, что представляла себя на её месте.

...Сколько ей может быть лет, вдове? Если они были женаты «всю жизнь», значит, чуть за сорок — ещё совсем молодая, чтобы продолжать жить, но уже не слишком для того, чтобы начинать жизнь сначала!.. А ей придётся начинать — совсем одной!

— Ром, а у них есть дети?..

— Сын и дочь.

— Взрослые?

— Дочка в прошлом году в университет поступила, а сын, по-моему, закончил уже.

— Работает?

— Слушай, Маня, что ты прицепилась ко мне, как репей?!

— Просто так. — Маня вздохнула. — Не знаю, что я сейчас ей буду говорить, как это всё вчерашнее описывать...

Офис компании «Регионстальконструкции» — это нелепое слово Маня прочла на солидной вывеске — располагался в старинном особняке в самом центре Беловодска. Едва выбравшись из машины, Маня поняла, насколько прекрасно он располагался! Особняк венчал собой две сходящиеся под прямым углом набережные, высокие двери выходили на небольшую площадь, на которой толпились и фотографировались туристы — от красоты захватывало дух.

— Здесь Белая сливается с Которослью, — сказал Роман. — Видишь, вода разная?

Вода и впрямь была разноцветная! Светлая, почти белая, и синяя, словно нарисованная неразбавленной гуашью!.. Они сходились, сливались, и дальше начинался голубой простор, и ветер налетал, и далёкие лодки качались, и чайки кричали на лету.

Маня подошла к парапету и стала смотреть, приставив ладонь козырьком к глазам. Вокруг теснились люди, разговаривали, смеялись, ели мороженое — Маня всё смотрела. Роман, сунув руки в карманы, сопел у неё за плечом.

— Я извиняюсь, можно с вами сфотографироваться?

Маня повернулась.

— Мы с дочкой! Можно?

Какая-то жизнерадостная тётка размахивала у неё перед носом телефоном.

— А я вас сразу узнала и говорю: Наташ, это точно Покровская, а она мне: быть такого не может, что ей у нас в Беловодске делать, а я: да точно она! Можно?

— Конечно, — разрешила Маня и нацепила на физиономию сияющую улыбку.

Как только тётка с дочкой отошли, подбежала пара. Он — лысенький, пузатенький, в подтяжках, она — худая, как рыба сиг, востренькая, в шляпке с незабудками.

— А нам можно?

Маня сфотографировалась и с ними тоже.

Потом народ пошёл косяком, справедливо рассудив, что слияние рек Белой и Которосли никуда не денется, а знаменитость в два счета улизнёт из-под носа.

Растерявшийся Роман наблюдал за происходящим с некоторым испуганным изумлением.

Маня фотографировалась со всеми, расписывалась на туристических буклетах и теплоходных билетах, улыбалась и делала Роману страшные глаза: уводи меня отсюда скорей!

Он её сигналов не понимал.

— А вы по телевидению за деньги выступаете или просто так?

— Просто так, гонораров за программы я не беру.

— Эх, ну и зря!..

— Как я рада видеть вас живой!

— И я рада, что жива, вы не поверите!

— А вот ещё с сыном сфоткайтесь! Сына, сына, иди сюда, сфоткайся с тётей!

— Ой, а вы такая молодая! И не такая толстая!

— Уж какая есть.

— Подпишите для моей бабушки, она в молодости очень любила ваши книжки.

— Нет, а где вы сюжеты берете? И вообще, как вы начали писать?..

— Роман! — вскричала Маня, кинулась и ухватила приятеля за рукав. — Мы же опаздываем! Нам давно пора идти! Да?!

— Вот ещё со мной сфотографируйтесь!

— И с нами, в первый раз плохо вышло!

— Пойдём быстро, — процедила Маня, не отпуская Романов рукав. — Очень быстро пойдём!

Они рысью перебежали брусчатку, самые активные граждане поспешали за ними с программками, буклетами, билетами и телефонами.

Прямо у подъезда особняка Маня почти наткнулась на высокого и лохматого человека, очень знакомого.

— Ба, — сказал человек весело, и Маня сообразила, что перед ней следователь Раневский, — Мария Алексеевна!.. А я думал, народное вече у нас возродилось!

— Возродилось, возродилось, — подтвердила Маня на ходу. — Давайте зайдём уже!

— Вот ещё здесь подпишите, ну, пожалуйста! На работе расскажу, никто не поверит!

— А мне для тёти! Она вас читает! Мне некогда, а ей делать нечего, она на пенсии уже!

— И селфи! Ну, пожалуйста!

Маня лихо расписалась ещё несколько раз, скроила несколько улыбок, забралась по пологим ступенькам и нырнула в глубь особняка.

— У-у-уф!..

Охранники стояли в дверях и смотрели на неё, вытаращив глаза.

— Вы и вправду знаменитость, Мария Алексеевна. Я как-то сразу не понял.

— Это потому, что вы книг не читаете, — огрызнулась Маня.

— Роман Андреевич, мы не знали, что делать, — виновато проговорил один из охранников, видимо старший. — Мы не ожидали.

— Да всё нормально.

— Вам нужно свисток носить, — сказал Раневский. — И свистеть в него, когда на вас люди бросаются. Чтоб охолонули.

Маня покивала.

— И часто так бывает?

Маня посмотрела на него и сказала неопределённо:

— Бывает.

— А вы зачем здесь?

Роман Сорокалетов быстро взял её под руку.

— Вдова Максима Андреевича очень просила с ней поговорить. Здесь, в офисе. Дома она находиться не может.

— Оно и понятно, — протянул следователь Раневский. — Выходит дело, все в сборе, вся компания! И вдова, и заместитель, вы ж заместитель, да? И вот... знаменитая писательница!.. Если вдове так нужно поговорить, поговорите, а я заодно ещё разок послушаю.

Маня вовсе не была уверена, что вдове захочется разговаривать с ней в присутствии следователя Раневского, и по писательской привычке всё примерять на себя она опять подумала, как ужасно случившееся и что она, Маня, совсем не знает, что бы стала делать в таком положении!

По широкой пологой лестнице с расписными вазами на нижних и на верхних ступенях они поднялись в вестибюль, светлый и просторный, окнами выходящий на старые липы в сквере.

— Максим Андреевич в том крыле сидел, — проинформировал Роман. — Нам туда.

Маня шла, втянув голову в плечи, и старательно не смотрела по сторонам. Ей казалось, что в помещении стоит гробовая тишина и люди за стеклянными перегородками как по команде поворачивают головы и провожают их глазами.

...Беда, какая беда.

За огромным старинным столом в просторной приёмной сидела девушка. Она плакала и сморкалась в бумажную салфетку. Несколько мокрых бумажных комков валялись перед ней — должно быть, плакала она уже давно.

Завидев процессию, она отвернулась, изо всех сил вытерла глаза, смахнула на пол комки и поднялась.

— Роман Андреевич, мы вас... ждём. Я не знаю, что делать, все звонят, а я... я не знаю, что отвечать!

Глаза у неё снова налились слезами. Маня почувствовала, что тоже вот-вот заплачет.

— Раневский из следственного комитета, — отрекомендовался следователь. — Вы кто? Помощница?

— Секретарь, — старательно выговорила девушка, губы у неё кривились, и лицо сильно припухло. — Помощник ещё... ещё не приходил. И, наверное, не придёт сегодня. Она... в больнице с гипертоническим кризом. Утром «Скорая» увезла, когда... стало известно про Максима Андреевича.

— Там? — Роман кивнул на двери в кабинет, и секретарша затрясла головой.

Маня собралась с силами, расправила плечи, выпрямилась, сразу оказавшись с Раневским почти одного роста, и мрачно сказала, что зайдёт одна.

— Дайте нам пять минут. — Она выразительно посмотрела на следователя. — Всё равно ничего нового я не скажу.

Раневский помолчал, а потом открыл перед ней дверь.

Кабинет был огромный и на первый взгляд совершенно пустой. В нём странно сочетались арочные окна, как в дворянском собрании, ультрасовременная мебель, как на выставке прогрессивных дизайнеров, резной книжный шкаф, как из кабинета баснописца Ивана Андреевича Крылова, и огромные фотографии машин и механизмов на стенах, как на Франкфуртской промышленной биеннале!

Двери на балкон были распахнуты, ветер шевелил лёгкие шторы.

— Женья! — позвал вошедший следом за Маней Роман. — Ты здесь?..

Маня вдруг подумала, что незнакомая ей Женья не дождалась и выбросилась в окно — просто чтобы больше не ждать!..

За тонкой шторой возник человек — тёмный силуэт.
— Я здесь.

Роман подтолкнул Маню в сторону балкона, и она пошла как под наркозом.

Балкон оказался целой террасой — с деревянным полом, диванами, креслами и барной стойкой. И цветы! Везде цветы дивной красоты.

— Здравствуйте, — пробормотала Маня в сторону женщины, сидящей на диване. — Меня зовут Маня Поливанова. Вы меня извините, я совершенно не умею выражать соболезнования...

— Не выражайте, — сказала женщина. — Присаживайтесь.

Маня плюхнулась напротив, изо всех сил стараясь не смотреть на вдову. Но не выдержала и быстро взглянула.

Женщина казалась словно стёртой ластиком: серые щеки, зеленоватые губы, глаза, подёрнутые пеленой, как у больной птицы. Только на щеках горели два алых пятна.

— Меня зовут Евгения, — сказала женщина стёртым голосом. — Можно Женья. Я жена Максима. Рас-

скажите мне, как всё вчера было. Я и не знала, что вы должны приехать, Макс мне не говорил.

— Да мы на ходу договорились, Жень, — тихо проговорил Роман. — Я ему утром позвонил и спросил, можно ли Маня заедет иконы посмотреть.

— Я книжку собралась писать, — пробормотала Маня Поливанова, — про похищение иконы.

— Макс увлекается изображениями святого Серафима Саровского и всё о них знает. Но я не слышала, чтобы их крали! Есть знаменитая история о Казанской Божьей Матери, как раз о похищении.

— Я хотела расспросить о Серафиме.

Маня собралась с духом и посмотрела ей в лицо. Вдова улыбалась.

Должно быть, в прошлой, вчера закончившейся жизни она была красивой женщиной: статная, с округлыми плечами, длинной шеей и породистым носом. Короткие светлые волосы пострижены первоклассно — понятно было, что утром женщина не смотрела на себя в зеркало и всё же выглядела ухоженной.

Только ногти все обгрызены, и лак облупился — этот диссонанс почему-то поразил Маню.

— Я приехала к вам домой довольно рано, ну, в первой половине дня. Максим Андреевич показал мне коллекцию икон Серафима Саровского. А потом мы пошли в сад, и он принёс чай. И пригласил меня на пристань.

— Это он любит, — согласилась Женья. — Всех гостей туда таскает.

— И по дороге... всё случилось, — беспомощно выговорила Маня. — Я не знаю, как об этом вам рассказать!..

— Как всем, — перебила вдова, — так и мне. Я вас прошу. Мне нужно знать.

— Жень, там в приёмной следовательно из комитета, — вмешался Роман. — Если он придёт с вопросами, ты... того... не пугайся.

— Чего же мне пугаться? — спросила Женя и опять улыбнулась. Лучше бы она не улыбалась! — Теперь-то уж точно нечего. — И перевела взгляд на Маню. — А с нашим Романом вы давно знакомы?

— С институтских времен, — сказала Маня.

— Мы из нашего политеха к ним в универ на дискотеки ходили. У нас парни, а у них девицы. В порядке культурного обмена, так сказать.

— Дружите? — Женя посмотрела на Романа, а потом снова на Маню. — Вы же такая знаменитость!

Та промолчала.

— Хорошо, — продолжала вдова, — что вы не забываете старых знакомых. Максим тоже никогда не забывает. Как вас зовут, я забыла? Людмила?

— Псевдоним Марина Покровская, а вы зовите Маней.

— Расскажите мне в подробностях про вчерашний день, Маня. Вчера ведь был выходной. Вы по выходным работаете?

— По-разному, — пробормотала Маня. — Бывает, что работаю — когда роман нужно сдавать, а у меня конь не валялся.

— Вы смешно говорите.

— Вчера утром позвонил Ромка, то есть Роман, — продолжала Маня, — и сказал, что договорился с Максимом Андреевичем и я могу подъехать.

— Ты был с ним здесь, на работе?

— Нет, — удивился Роман, — я ему позвонил. Он сказал, что минут через сорок будет дома и готов принять Марину Покровскую, если ей нужна консультация.

— Странно, — заметила вдова. — А я подумала, что вы оба были здесь, в офисе.

— Макс, может, и был, а я точно не был.

— И вы поехали, Маня? Максим был один?

— По-моему, один. В саду я никого не видела, и меня никто не встречал. Я позвонила в ворота, мне